

ГАЛИНА
ЛОШКАРЕВА

НЕБО
НА ДВОИХ

Галина Лошкарева

Небо на двоих

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40489041

ISBN 9785449621535

Аннотация

«Небо на двоих» – роман-фантазия. Его главная героиня – воспитанница детского дома. Бытует мнение, что дети, не получившие родительского тепла, не могут создать счастливых отношений во взрослой жизни. Героиня романа разрушает этот стереотип. Она приходит к осознанию, что никто не сделает её счастливой, так как счастье находится внутри человека. Шаг за шагом героиня открывает себя, прислушивается к своим ощущениям, учится доверять жизни. И жизнь вознаграждает её: она встречает любимого человека.

Содержание

Благодарности	5
Глава 1	7
Глава 2	33
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Небо на двоих

Галина Лошкарева

© Галина Лошкарева, 2019

ISBN 978-5-4496-2153-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности

Уважаемый читатель, в ваших руках роман «Небо на двоих».

Если бы год назад... Нет, полгода назад мне сказали, что я напишу книгу, я не поверила бы. Даже не смела мечтать; считала, что это из области фантастики. И всё же я сделала это.

Сколько сомнений было поначалу: «Что скажут? Что подумают? Вдруг не получится, ведь я не писатель и не обучалась этому ремеслу».

Этот роман состоялся благодаря проекту «Я – автор женского романа». Руководитель – Владимир Платон.

Несколько месяцев интересной творческой работы... Командной работы.

Я благодарю Владимира Платона за уникальную методику создания женского романа, благодаря которой я реализовала свою мечту.

Особую благодарность я хочу выразить заведующей библиотекой-филиалом №17 МБУ ЦБС «ИЖСТАЛЬ» Неклюдовой Татьяне Леонидовне за предоставленную возможность проводить литературные мастер-классы.

Издание романа не могло бы состояться без технической помощи Валентина Болдырева. Именно его стараниями рукопись приобрела вид книги.

Я благодарю художника Веру Холмогорову за создание художественных образов для оформления обложки.

Хочу надеяться, что эта книга поможет вам найти значимые ориентиры в жизни, которые помогли моей героине достичь желаемой цели.

С любовью и благодарностью, Галина Лошкарева.

Глава 1

Жизнь вдребезги

Стефанию разбудил запах кофе. Каждый новый вдох приносил очередную порцию этого приятного бодряще-пьянящего аромата. Она наполнилась им настолько, что почувствовала себя гелиевым шариком, медленно поднимающимся в небо. Как восхитителен этот полёт... Так бы лететь и лететь. Но, видимо, нитка, державшая шарик, была короткой. Лёгкие подёргивания на месте, и полёт прервался.

Открыв глаза, Стефания увидела потолок: «Ах, да. Плацкартный вагон поезда. Верхняя полка. Неудобно. Свернулась в три погибели. По другому никак нельзя: если выпрямиться, то ноги перекроют движение по узкому коридору вагона. Одни неудобства с таким ростом...». Её мысли прервал женский голос снизу:

– Не знаю, куда делась зубная щётка. Ты не видел, Егор?

– Видел. Дома. В ванной на полочке, – почти шёпотом ответил тот.

– Так и знала. Забыла, – надув пухлые губки произнесла женщина.

Она пристально посмотрела на мелькающие за окном деревья, словно на одной из ветвей пыталась найти зубную щётку, оставленную дома.

Где-то рядом зазвучал приятный мужской баритон:

– Тебе две ложечки или одну?

Теперь внимание Стефании переместилось к боковым полкам. И здесь расположилась пара.

– Сколько сахара, Лидусик? – повторил баритон.

Ответа и во второй раз не последовало. Звон ложечки говорил о том, что сахар в стакан всё же был положен.

Этот звон... Его ни с чем не спутать: он уже в подсознании, причём неразделим с подстаканником. Да. Чай, подстаканник, поезд, путешествие – образ единый и неделимый. Неважно, что конкретно в эту минуту в стакане кофе. Без сомнения – кофе. Его запах и разбудил Стефанию.

Ребёнок лет двух бегал по коридору, наматывая необходимые для нормального развития метры. Удовлетворял потребность в движении. В отличие от тётей и дядей двенадцатого вагона, вынужденных вести ограниченный, почти неподвижный образ жизни: сидеть, лежать, есть, пить, ходить в туалет, изнывать от жары, выходить на редких станциях на улицу, сделать несколько глотков свежего воздуха. Хотя свежим его вряд ли назовёшь в июльскую тридцатиградусную жару. Но это всё-таки лучше, чем душный вагон без кондиционера.

Пятьдесят один человек... Они хотя бы знают, куда едут и сколько дней им быть в этом ограниченном пространстве. «А я еду туда, не знаю, куда. Встречу то, не знаю, что...» – проговаривала Стефания детскую прибаутку, натя-

нув на голову простыню, чтобы не было слышно окружающим. Непроизвольно свернулась в комок. Не дай бог, ноги перекроют путь активизировавшимся в утренний час пассажирам.

На данный момент пространство под простынёй – её мир, который никому не мешает. «Здесь я могу петь. Не важно, что тихо, себе под нос. Здесь могу стать маленькой. Это очень просто – стоит поджать к животу колени – и ты уже не „верзила“, „каланча“, „переросток“, а маленькая хрупкая девочка, Дюймовочка из сказки, которую хочется взять в руки, любоваться, лелеять, согреть...»

На слове «согреть» Стефания высунулась из своего мирка, обвела взглядом окружающее пространство. Нашла то, что искала, – одеяло, лежащее на третьей полке. Одно движение – и её мир стал ещё надёжнее, ещё укромнее, ещё теплее. Единственное, – здесь было темно. Невольно нахлынули воспоминания прошедшей ночи...

Железнодорожный вокзал. Кассы дальнего следования. Любезный и одновременно уставший голос кассирши:

– Слушаю вас! Куда едем?

– Мне на ближайший проходящий! – отчеканила Стефания.

Кассирша с вниманием посмотрела на высокую белокурую женщину. «Понимаю вас. Куда – всё равно. Главное, поскорей» – сказал её взгляд.

Быстрые щелчки по клавиатуре компьютера и голос вдогонку:

– Отправление в ноль часов пятнадцать минут. И сдачу не забудьте! Девушка! Сдачу!

Зал ожидания. Что тут ожидать? Отправление через двадцать минут. На табло уже указан номер платформы и путь – первый. «Хорошо, что не надо переться через все составы по переходу чёрт знает куда. А куда всё-таки еду?» – Стефания решила развернуть билет и взглянуть на пункт назначения. Тут же раздумала и сказала себе строго: «Решила ведь рвануть туда, не знаю, куда. Встретить то, не знаю, что. Решила – постановила!». На билет всё же взглянула, уточнить номер вагона.

Железная гусеница, вынырнув из темноты, медленно приближалась к перрону, фарами освещая себе путь и ослепляя пассажиров.

– Девушка! Куда всё-таки едем? – спрашивал уставший голос кассирши. Стефания моментально «выскочила» из своих фантазий. Железнодорожный вокзал. Кассы дальнего следования. Подошла её очередь.

«И правда, пора определяться. Билет в никуда всё равно не продадут», – покорно говорила себе Стефания, ответив кассирше:

– Мне на Питерский. Я ведь успеваю? Отправление в ноль часов пятнадцать минут?

Двенадцатый вагон. Место номер восемь. Разумеется, верхняя полка. На другой вариант она не рассчитывала. Тот, кто хочет комфорта на нижней, за месяц об этом беспокоится. Но месяц назад у Стефании и в мыслях не было срываться с места. Тогда она чувствовала себя вполне счастливым человеком: «Что тут говорить? Имею, что имею. Верхняя полка».

Бельё даже при дежурном свете сияло белизной. Оно как будто говорило: «Приветствую тебя, Стефания! Не трать время, укладывай вещи и сама спать укладывайся!».

Кроме дамской сумочки, Стефании укладывать было нечего. Она окинула взглядом сонный двенадцатый вагон. Кажется, с её появлением он полностью укомплектовался. Через три минуты Стефания ничем не отличалась от пятидесяти одного пассажира двенадцатого вагона, укрывшихся простынями. Люди мирно посапывали, похрапывали и покачивались в такт движению поезда под размеренный стук колёс.

Это было сегодня ночью. День принёс новые события: с верхней полки восьмого места из-под одеяла доносилась забавная мелодия и неразборчивые слова. Сидящие рядом пассажиры переглядывались, пожимали плечами, по-доброму улыбались.

Если бы Стефания знала, что от её голоса не спасает

ни простыня, ни даже одеяло, она тут же провалилась бы сквозь все полки. Не знала. Потому пела себе: «Встречу того, не знаю кого...».

Чуть приподняла одеяло, чтобы впустить воздух. Глаза зацепились за «мумию», лежащую на нижней полке, напротив. Завёрнутое в белое, нечто неопределённого пола покачивалось, как всё в этом поезде.

«Кажется, один неопознанный объект я уже встретила. Неужели, это и есть „то, не знаю кто“? Интересно понаблюдать...» Но «то, не знаю кто» продолжало покачиваться и не думало открывать личико. Стефания потеряла к нему интерес, когда рядом появилась продавщица из вагона-ресторана. Она разносила запах жареных пирожков, приговаривая:

– Кто желает горячие завтраки? Горячие завтраки!

Блестящими кастрюльками, уложенными одна на другую, она заинтересовала одного двухлетнего пассажира. Малыш норовил посмотреть, что там внутри. Родители вовремя его от них оттащили, а продавщица, тоже вовремя, уплыла в соседний вагон.

Молодая проводница совершает обязательный утренний ритуал – моет пол. Знает своё дело.

«Есть же создания вполне себе симпатичные. Фигурка ладная, рост нормальный, женский – около метра шестидесяти. Она уж точно в своём маленьком купе в три погибели не складывается. А тут – не знаешь, куда лишние сантимет-

ры деть: сжимаешься, нагибаешься, сутулишься. Всё время под контролем», – вела наблюдения и размышления Стефания с верхней полки двенадцатого.

За проводницей следом появился небритый угрюмый мужчина с коробкой сувениров и настойчивой просьбой что-нибудь приобрести. Среди пёстрой мелочёвки выделялась обычная, школьная общая тетрадь. На обложке – парящие в небе птицы.

– Девушка! Не желаете? Подарки родным, близким: игрушки, сувениры.

Стефания не сразу поняла, что обращаются к ней. Помотала головой: «Нет у меня родных и близких... Одна как перст. Это тебе, угрюмый, объяснять не буду. Да и не ждёшь ты моих объяснений. К другим уже пристаешь».

– Не желаете презент для близких? – не унимался мужчина.

«Какой смысл обижаться на него? Он тоже делает своё дело, – успокаивала себя Стефания, погружаясь в свои мысли. – Ни родных, ни близких... Зато сколько хочешь воспоминаний – о детском доме, о том, как... Нет. Лучше забыть. Эх, угрюмый, ты всё-таки сделал своё дело – того не ведая, на больное место наступил».

Ещё раз взглянув на притянувшую внимание тетрадную обложку, Стефания вновь юркнула под одеяло. Как ни старалась спрятать образы и ощущения из прошлого, они лезли наружу. Воспоминания вперемешку с фантазиями.

В детстве её фантазии были ответом на вопросы пытливого ума, когда других ответов не было. Фантазии заполняли пустоты, появляющиеся от недостатка информации. За ними она пряталась от иногда жестокого окружающего мира.

Фантазии стали частью её миропонимания. Даже сейчас Стефания не знает, что из того, что помнит, правда, а что – вымысел.

Вспомнила детский дом, насмешки ребят по поводу роста, успехов в школе. Хотя Стефания не виновата, что учёба давалась легко, что цифры сами собой складывались.

Её приставания к Изольде Тихоновне. Стефания долго учила её имя-отчество. Однажды, проходя мимо вывески «Директор», внутренне решила – пора. Без стука открыла дверь. Директор, седовласая элегантная женщина, с кем-то строго разговаривала по телефону. Увидев Стефанию, жестом пригласила зайти.

– Уж постарайтесь, голубчики, дайте отопление! У меня шестьдесят семь детей замерзают!

Положив трубку, тут же сменила тон:

– Что тебе, Стефания?

– ...Тихоновна, где мои родители?

За два десятка лет работы в детском доме можно привыкнуть к естественно возникающим у детей вопросам. Но каждый раз подбираешь слова, чтобы поменьше ранить их психику.

«Да что там, как ни скажи – будет больно. Вот и эта подросла, ответа ждёт. Может, получится отвлечь?» – с надеждой подумала Изольда Тихоновна.

– Садись, Стеша. Садись. И я с тобой присяду, – обняв девочку, она продолжала: – Я обязательно тебе об этом скажу... Когда придёт время. Ты получила письмо от Деда Мороза? А подарок? Какой подарок он тебе прислал?

«Причём тут Дед Мороз? Подарки? Я её про родителей спрашиваю. Нет... Сегодня не скажет», – решила Стефания, а вслух произнесла:

– Пойду я...

Освободилась от уютных объятий, вышла из кабинета с твёрдым намерением завтра прийти снова.

«Упёртая. Не отстанет», – предположила Изольда Тихоновна и оказалась права. Стефания появлялась в кабинете директора каждый день в одно и то же время с одним и тем же вопросом: «Сегодня пришло время?».

Десять дней спустя.

«Сегодня опять придёт... Расскажу, как есть. Дети понимают больше, чем мы предполагаем». Изольда Тихоновна подошла к шкафу с личными делами воспитанников. С закрытыми глазами она могла найти каждое. Безошибочно вытянула одну из множества коробок, плотно стоящих на полке. Вынула из неё стопку с карточками.

«Где-то здесь, в середине, на букву „Л“. Да. Вот... Напро-

тив отца и матери – прочерки. Лебедева Стефания Станиславовна, я расскажу тебе всё, как есть. Видимо, время пришло...»

Это было восемь лет назад. Ворвался в кабинет директора Станислав Афанасьевич, водитель детского дома. Таким испуганным никто его раньше не видел. С порога, не поздоровавшись, выпалил:

– Там это... Ребёнок у нас!

Судя по интонации, Изольда Тихоновна поняла: случилось что-то из ряда вон выходящее. Чтобы утихомирить эмоции, которые в подобных случаях не помощники, ответила как можно спокойнее:

– Станислав Афанасьевич, у нас шестьдесят семь детей. О ком из них идёт речь?

– Ребёнок, говорю, у двери! Грудной ещё. Я хлеб привёз, иду с лотком, а он...

– Ладно. Показывай!

– Ну, что, коллеги, поздравляю с прибавлением в семействе! – открыла экстренную планёрку директор детского дома.

Весь свободный персонал учреждения окружил маленький свёрток, лежащий на директорском столе.

– Что мы имеем? – продолжала Изольда Тихоновна. – Мы знаем главное – это девочка! Что ещё?

– А ещё надо заявить в милицию! – со знанием дела предложила Елена Степановна, молоденькая медсестра. Она только-только погружается в профессиональную деятельность и знакомится с ЭТОЙ стороной детства – закрытой от многих. Вернее, многими специально не открываемой. Потому что если откроешь – придётся взять ответственность. А так, можно ограничиться сетованиями: «При живых родителях? Как такое возможно в XX веке?».

Заблуждаются, конечно. Открываешь или избегаешь, всё равно берёшь ответственность.

– Милицию – это само собой. Кстати, Елена Степановна, на первый взгляд, возраст девочки?

– Крошка совсем. Новорождённая, – сделала заключение молодой специалист. На её щеках выступил румянец – волнение от причастности к важному событию. Возможно, именно от её решения в документах этого маленького человека появится дата рождения.

– Вы совершенно правы, – согласилась Изольда Тихоновна. – Новорождённая. Mamочки, решившиеся на такое,azole себя детей долго не держат. Чтобы не привыкать. Поэтому день-два погоду не сделают.

Взглянув на перекидной календарь, объявила значащуюся на нём дату:

– Тринадцатое июля тысяча девятьсот восемьдесят второго года. Так и запишем. Теперь имя! Какие варианты?

Кажется, участники консилиума только и ждали этого во-

проса. В воздух полетели имена:

– Маша! Саша! Даша!

– Олимпиада! Элеонора!

– Вы ещё Даздраперму вспомните!

– А давайте – Стефания, – тихо предложила Наталья Петровна, няня средней группы, женщина лет тридцати пяти. Мечта всей её жизни – родить ребёнка, «да бог не даёт». Вот и работает здесь, к детишкам поближе.

До сих пор мирно спавший на директорском столе младенец вдруг завертел головкой, стал вырываться из пелёнок, готовясь подать голос. Фейерверк имён резко прекратился. В пространстве повисла тишина. Её нарушил тихий голос Изольды Тихоновны:

– Наталья Петровна, почему Стефания?

– Приготовила для дочки. Надеюсь, родится когда-нибудь...

– Считайте, что уже родилась, и, похоже, имя Стефания ей нравится – плакать даже раздумала. «Остальное, – говорит, – решайте без меня, я доверяю вам». Что же, будем решать. Станислав Афанасьевич, у вас ведь есть дети?

– Так точно! Есть! – с военной выправкой доложил тот. – Сыновья. Оба. Два.

– Дадите отчество ещё одному ребёнку? Девочке.

– Так я, это... Всегда пожалуйста.

Женщины, переглянувшись, прыснули. Видя смущение Станислава Афанасьевича, Изольда Тихоновна пришла ему

на помощь:

– Меня вдохновляет ваша готовность стать отцом, – и, кивая на сверток, добавила: – Только бы такие случаи пореже были... Итак, Стефания Станиславовна – по-моему, созвучно.

Участники экстренного совещания одобрительно закивали головами. Изольда Тихоновна продолжила:

– Коллеги, остается фамилия. Есть идея – идти от версий появления детей на свет...

– Принесли аисты! Нашли в капусте!

– Тогда Капустина или Аистова?

– Глаза у неё синие, на небо похожи. Я заметила, она их приоткрывала...

– Значит, Капустина отпадает.

– Вот и хорошо. Тогда Аистова... Тоже не звучит как-то.

– Может, Лебедева? Я «В мире животных» недавно смотрела. Николай Дроздов там про них так интересно рассказывал. Такое видео, залюбуешься. А как летят... – эмоции захлёстывали шеф-повара Ольгу Витальевну.

– Красиво летят, говорите? – Изольда Тихоновна представила картинку, которая, судя по выражению лица, ей нравилась. – Вот и наша Стефания Станиславовна пусть взмывает ввысь, – и без особой радости добавила: – С днём рождения, Стефания Лебедева.

– С днём рождения-то, с днём рождения, только заберут её у нас. В дом малютки, – прервала невесёлые поздравле-

ния появившаяся только что Вероника Ивановна, воспитательница старшей группы. Тут же убежала обратно, объясняя на ходу причину своей спешки: «Моих архаровцев больше чем на минуту не оставить! А задержишься – тебя ждёт сюрприз, и даже не один, и не из серии приятных».

Её догоняло уверенное директорское сопрано:

– Заберут? Это мы ещё посмотрим! Всем спасибо! Елена Евгеньевна, уносите ребёнка. Снимайте антропометрические данные. В общем, оформляйте, как положено. А я в милицию сообщу о находке. Хотя нет надежды, что мамашу найдут. А уж папашу – тем более...

Воспоминания Изольды Тихоновны прервал знакомый детский голос: «Сегодня пришло время?».

«Явилась. Как часовой – минута в минуту. Что же, Стефания, видимо, пришло твоё время... Знаю, ты справишься».

Она протолкнула коробку в положенное ей место. С карточкой в руках подошла к Стефании.

– Давай присядем, – сказала она, обнимая высокую, хрупкую фигурку девочки. Протянула ей карточку. Та по-взрослому взяла её. Взгляд медленно скользил по строчкам листа. На личике – ни одной эмоции. Только эти глаза... иссиня-чёрные.

Нет, в них нет укора. Есть только непонимание, боль и немой вопрос: «Прочерки? Такое что ли может быть? Меня что, как котёнка? Откуда тогда фамилия, имя, отчество,

день рождения? Да что тут спрашивать? Ясно, что придумали».

«Надо выдержать этот взгляд. За тех, кто испугался, убежал от ответственности, смалодушничал, взял на себя грех. Бог им судья. Надо выдержать. Это самое малое, что я могу сейчас сделать», – старалась найти в себе силы Изольда Тихоновна.

– Пойду я, – тихо сказала Стефания.

«Ты выдержишь. Ты всё выдержишь», – мысленно летело ей вслед.

Стефания по-своему выдерживала. С этого дня она сбегала из детского дома при каждом удобном случае. Её знали все отделения милиции. Заявления о пропаже девочки поступали к ним каждый день да через день. В шутку Стефанию окрестили «сбегунком». После четырёх побегов никто не удивлялся её очередным исчезновениям.

– Значит, снова пустилась на поиски родителей, как тот мамонтёнок из мультфильма, – делал вывод начальник оперативной группы.

– Пусть мама услышит, пусть мама придёт. Пусть мама меня непременно найдёт... – с улыбкой подпевал кто-нибудь из его коллег.

– Шутки шутками, а что ребёнку остаётся делать, если взрослые помочь не могут? Вот и пристаёт ко всем прохожим подряд: «Тётя, может, ты моя мама? Вы папу моего не виде-

ли?».

– Группа! На выезд! Сергей и ты, Леонид, – в зоопарк. А мы с Петром – к аттракционам. Эти места её больше всего привлекают. Кто первый сбегунка обнаружит – докладывать!

Вот ещё из воспоминаний... Ей уже девять лет. Большая спальная комната детского дома. Засыпая, Стеша мурлычет свою любимую колыбельную песню. Она не знает, почему именно эта песня. Откуда и когда она к ней пришла, кто её научил или когда-то пел. Просто – любимая. Стеша напевала её практически всегда, и уж обязательно перед сном. Потому что от неё становилось теплее.

Ребята посмеивались над ней: «Странная какая-то. Может, ненормальная? А давайте ей тёмную устроим, когда засыпать будет! Посмотрим, как тогда запоёт!».

И устроили.

После этого песен её никто не слышал. Скучали без них. Даже когда стали взрослее, подошли гурьбой и хором к ней:

– Ты прости нас, Стеша. Мы ведь не со зла тогда. Так, шутки ради.

Не знала она в свои двенадцать лет, как на это ответить. Промолчала. Но что-то произошло в её сердечке. Песня та снова зазвучала. Робко зазвучала, тихо, под одеялом, чтобы никто...

Если бы она знала, ЧТО в этот момент происходило рядом... Услышав её голос, девчонки переглянулись и все,

не сговариваясь, приложили палец к губам. Это означало негласное: «Тихо! Не спугните!». Убедившись, что никто не собирается этого делать, уютно, одна за другой, устраивались на подушке и засыпали.

«Хватит на сегодня воспоминаний!» – почти приказала себе Стефания, откинув одеяло. Первое, что она заметила, – тетрадь. Та самая, с летящей парой птиц на синем фоне. Лежит в ногах, на самом краю полки. «Как не слетела? А главное – как здесь оказалась? Её что, угрюмый продавец забыл? Может, догнать, вернуть? Да сколько времени прошло. Он с поезда уже давно сошёл, в обратную сторону едет. Не вариант. Что делать? По вагону ходить, спрашивать: „Кто птиц потерял?“». Ещё глупее».

Стефания взяла тетрадь. Она оказалась довольно толстой, в клеточку. Провела ладонью по её гладкой поверхности. Лёгким движением пролистнула сразу все страницы. Долго-долго смотрела на яркую обложку. Парящие в небе птицы, увенчанные изящными коронами-хохолками, придавали картинке сказочность.

«Лебеди, не лебеди. Журавли, не журавли... Может, птиц таких и нет в природе. Это просто фантазии художника. В любом случае красота необыкновенная. А что, если они ко мне, своему сородичу прилетели, к Лебедевой. Пусть случайно. О! Угрюмый, прости! Прости за „угрюмого“. Прости и за то, что... Я ведь сама могла купить эту тетрадь. Мне

и денег не жалко было. Она мне с первой секунды понравилась. Только не сразу себе в этом призналась. Спасибо тебе, неугрюмый...»

Стефания достала из сумочки ручку и на первой странице, в верхнем правом углу написала: «13 июля 2009 год».

«Ну, вот. Даже если неугрюмый и вернётся, тетрадь – моя! Пусть любую цену назначает».

Пара снизу шумно приступила к разгадыванию кроссвордов – традиционному развлечению в поезде.

– Гора Зевса... Олимп. Подходит! Беззубый зверь в Америке.

– Не знаю. Дальше.

– Сопровождающий денежных мешков.

– Может, экспедитор?

– Ага, подходит. Католическая часовня. Первая «к», посередине «п», последняя «а».

– Капелла.

– Не-а. Одной буквы не хватает.

– А ты две «л» написал?

– Точно! Если две, тогда подходит!

А Стефанию всё больше интересовала «мумия» на нижней полке.

«Сколько едем, ещё не пошевелилась. Без движения – уже несколько часов. Может, тот, кто под простынёй, того...

умер. А мы тут рядом с покойником сидим, лежим и ни о чём не подозреваем...»

Стефания приняхалась. «Нет, кажется, мертвецом не пахнет... Будто я знаю, как они пахнут. Хотя нет. Пришлось однажды... Года два назад в квартире так запахло скверно. Понять не могли, откуда несло. Может, думаю, мышка сдохла и лежит где-нибудь под шкафами вне досягаемости, атмосферу портит. Оказалось, мужчина один с первого этажа жизни себя лишил. Соседи поздно спохватились. Одиноким был. Может, от тоски ушёл...

Всё-таки не понимаю, что могло произойти такого, чтобы человек на это безумство решился. По мне так что бы ни случилось, от мыслей этих боже упаси! Даже если больно так, что не знаешь куда деться. Как сейчас... Будто всё тело через мясорубку пропустили. Будто разбили на мелкие кусочки, как скульптор – своё неудавшееся произведение: яростно, безжалостно, чем-то тупым, тяжёлым, холодным.

Понятное дело – столько лет напрасного труда, вынашивания замысла, ваяния, радужные ожидания, рукоплескания восторженных зрителей... А тут получилась я – нечто нелепое, несуразное, не пропорциональное, не гармоничное. «Это» можно назвать чем угодно, только не произведением искусства. Исправлять что-либо здесь бесполезно. Надо начинать всё с начала. А куда девать «это»? А «это»...

– На тебе! На тебе! – приговаривает скульптор. И летят наотмашь удары чем-то тупым, тяжёлым, холодным.

Я на своих глазах разлетаюсь, рассыпаюсь на куски и ку-сочки, которые секунду назад были частью моего целого. Больно! Но кричать не могу, ведь я – всего лишь глина, или гипс, или фарфор. Словом, материал. Неужели тому, кто взялся меня создавать, невдомёк, что у него, материала, то-же есть душа и ей больно. Очень больно, когда ломают, бьют. Особенно, когда в сердце. Слышишь, мастер, не надо в серд-це! Но тот повторяет: «На тебе! На тебе», продолжая коло-тить тупым, тяжёлым, холодным.

Моё тело – уже безрукое и обезглавленное – еле держится на слабом каркасе. Находится всё больше желающих подой-ти поближе, ударить побольней. А этот... – разломал до ос-нования, до мизинчиков пальцев ног. Нашёл момент! Перед самым днём рождения. Заявил: «Мы не можем быть вме-сте. Нам надо расстаться». Главное, как, – по телефону со-общил. Как будто между делом: «У меня тут насморк слу-чился. Не приду к тебе сегодня, чтобы не заражать». Трус. Глядя в глаза-то признаться труднее. Да и вдруг причитать, умолять начну, вцеплюсь мёртвой хваткой. Мужики этого не любят. А так, по телефону, – в любой момент отключить-ся можно и вместо женской истерики услышать безобидное: «Пик-пик-пик».

Видимо, он на это и рассчитывал. А может, ожидал услы-шать в трубке: «Ты что? Как уйти? Давай поговорим, раз-берёмся, что случилось? Что во мне не так? Я исправлюсь. Честно. У нас всё будет хорошо!».

Точно. Так и надо было сказать! И у нас всё было бы по-другому... А сказала торопливо: «Желаю счастья» и повесила трубку. От растерянности? От незнания, «как правильно», надела маску независимой, сильной, безразличной, холодной? От всего вместе взятого. Да и какой смысл разбираться, отношения выяснять, если человек для себя всё решил. Решил идти по жизни без меня. Он имеет на это право. Подлец, конечно. Никто не заставлял его складывать со мной отношения. Сам интерес проявил. А я?

Что я! Отвечала ему тем же. Уже планы строили на будущее. Образ идеальной семьи рисовала: муж, жена, дети, всё чин-чинарём. Любовь, счастье, гармония. А самое главное, он, кого вот-вот назову мужем, прекратит акт вандализма и разрушения моей личности. Не позволит никому крушить, исправлять, делать больно его любимой женщине...

Вандалом оказался он сам. Разломал до основания и меня, и мои мечты чем-то тупым, тяжёлым, холодным.

Но даже сейчас, когда вся распластанная, разбросанная, разбитая трясусь всеми своими звенящими осколками в этом поезде. Не хочется ни есть, ни пить, ни писать, ни выходить на улицу... Даже сейчас не хочу прощаться с жизнью! Не хочу взлетать на небеса и наблюдать за всеми свысока. Я и без того высоко сижу, далеко гляжу – на верхней полке двенадцатого.

Если там, на небесах, и появляться, то с одной лишь целью – узнать, как совершаются браки. Говорят, они ТАМ

создаются. Прийти, посмотреть, какая я в очереди. Или про меня опять забыли, подвинули. Кому нужна, расколота и разбитая до основания?

До основания? Основание всё-таки осталось! Значит, есть надежда собраться, сложиться в единое, целое, вползти, взобраться, вскарабкаться скалолазкой. Или «взлететь, возродиться»... Я кого-то процитировала?

И потом, во мне так глубоко сидит убеждение, что если что-то бьётся, то на счастье! И жизнь вдребезги – тоже на счастье!» – завершила внутренний монолог Стефания.

Съёжилась ещё больше, замоталась в одеяло куколкой, мумией.

«Может, я тоже умерла? А как же боль – изводит, ломает, накрывает всю...»

Счастье и боль никак не сочетались одно с другим. Это были две взаимоисключающие составляющие.

«Какое это счастье, когда так болит и ноет? И никуда от неё не деться, не спрятаться, ничем не заглушить. От того и мысль странная пришла – убежать, уехать в чём есть, хоть куда, чтобы чуть-чуть отступило, отлегло, успокоилось. С днём рождения, Стефания! Получите от жизни подарочек! Сегодня ведь тринадцатое июля, значит, он доставлен вовремя...»

Саркастические поздравления себя со своим двадцать седьмым днём рождения вновь прервали соседи. На этот раз

они читали вслух анекдоты:

– «Слушай, я кроссворд вчера разгадывал: три буквы – „Человек, который обязан отдавать всё заработанное другому человеку, получая взамен еду“. Это кто? Раб. Я тоже думал раб, а жена говорит – муж!».

Анекдоты... Эти маленькие ёмкие истории ещё вчера были предметом чьих-то огорчений, разочарований.

«Неужели и моя трагедия завтра... ну, не завтра, через год, через пять, десять лет, вызовет улыбку», – размышляла Стефания.

Есть всё же положительное зерно в её решении сменить обстановку, забыться, отвлечься, пусть даже старыми, как мир, анекдотами. Хотя по яркости событий плацкартный вагон пассажирского поезда мало отличался от жизни в коммунальной квартире. Даже где-то проигрывал ей.

Комнату в двенадцать метров как оставшейся без попечения родителей ей выделил райисполком. В квартире были даже кое-какие удобства – холодная вода, газ, туалет. Сам дом (двухэтажный, кирпичный) давно не ремонтировался, очевидно, оттого, что в этом уже не было смысла.

В её комнате можно было вполне сносно жить. Старые хозяева сделали, что возможно по средствам.

В соседних комнатах живут яркие представители прошлого XX века, которым к двухтысячному году обещали отдельную квартиру по формуле «N+1», где N – количество членов

семьи. Обещаниям этим не суждено было сбыться.

В одной из комнат обитала древняя старушка, внешне-стью похожая на старуху с иллюстрации к «Золотой рыбке». По характеру – один в один Баба-яга. Норовила всем насолить, навредничать исподтишка. Когда участники её «невинной» затеи находили автора – она исчезала в свою комнату, как в шапку-невидимку.

В другой – женщина с великовозрастным сыном. Ему скоро сорок, половину из которых не просыхает. Пьёт по-чёрному. Не работает, скандалит. Находится на иждивении матери, давно уставшей от жизни, от работы, измученной пьянками бездельника-сына.

В третьей – творческая натура, художник лет пятидесяти. Заселился пару лет назад после развода и размена жилья. Что уж досталось. Дымит как паровоз. Каждый день в свою мастерскую приводит молодых особ, известно какого поведения.

В первое время, знакомясь с соседями, Стефания в каждом искала возможных родственников. «Кто бы мог быть моей бабушкой, сестрой, дядей?» Но никого из тех, кто разделял с ней места общего пользования, она не хотела бы видеть в роли родных людей.

«Лучше уж одной, чем с такими». И становилось не так обидно, что на свете она одна-одинёшенька.

Соседи по вагону продолжали читать анекдоты и громко

смеяться:

– Пришёл как-то Змей Горыныч домой после попойки. А жена ему: «А ну, дыхни!». В общем, глупая, нелепая смерть.

– А вот ещё, – не унимался мужчина снизу. Он входил во вкус. Зрителей его моноспектакля становилось всё больше (подтянулись из соседних купе). – «Я бы купил ваш замок, только если в нём есть привидения. – Вот уж не знаю. За восемьсот лет ни одного не видел».

Оглушительный смех поднял бы мёртвого. Но мумия лежала не шелохнувшись. Стефания сделала вывод: «В двенадцатом вагоне – мертвец. И это знаю только я, потому что все остальные приготовились к поглощению следующего анекдота. Им нужны зрелища. Занимать себя едой они уже устали».

– Аркадий! Давай дальше! – подбадривали чтеца пассажиры.

И Аркадий давал:

– Больше всех в Бородинском сражении досталось сусликам. Они так и не поняли, за что.

Дождавшись, когда утихнет смех, и сделав театральную паузу, Аркадий продолжал: «Он говорит, что любит мясо, и ест его. Он говорит, что любит цветы, и рвёт их. Он говорит, что любит меня, и мне страшно...».

Стефании реально было страшно. «Как они могут хохо-

тать над какими-то глупостями, если у них под носом, возможно... И это не смешно. Надо срочно что-то предпринять: предупредить проводницу, вызвать „скорую“ и что там полагается в таких случаях. И главное – без паники».

Она резко отбросила одеяло, чтобы начать решительные действия... Тут резкий толчок, удар головой о железную перекладину, скрежет тормозящих по рельсам колёс. «Хорошо, что затормозили в эту сторону, если бы в другую – улетила бы вниз, как раз в объятья этого самого мертве...»

Не успела Стефания завершить мысль, как поезд резко дал назад и так же резко затормозил.

«Что? Нет! Только не это! Мааа-мааа!»

– Девушка! Девушка! С вами всё в порядке? – будила Стефанию проводница, легонько трясая за плечо. Та не сразу очнулась, поэтому вопрос прозвучал ещё раз:

– Всё хорошо? Просыпайтесь! Через полчаса Санкт-Петербург.

Глава 2

В тандеме

Прошло девять лет.

– Мааа-мааа! – кричала Стефания с такой силой, что вот-вот в ушах лопнут перепонки, а сердце разорвётся от kloкочущей внутри волны в миллион раз сильнее той, что набегает, когда качаешься на качелях и они падают вниз.

– Молодец! Ты сделала это! Самое страшное уже позади! Теперь расслабься и получи удовольствие! – подбадривал инструктор. Он здесь, за её спиной. Он отвечает за безопасность прыжка с парашютом, контролирует весь маршрут падения длиной в четыре тысячи метров. Он знает, что это не смертельно и всё, в конечном итоге, будет хорошо.

Но Стефания не слышала и не ощущала ни поддерживающих слов, ни ангельских объятий, ни тугих надёжных ремней тандема. Забыла все наставления перед прыжком: «Не бояться. Довериться». Довериться ему, инструктору. Ведь в его послужном списке – сотни, а может быть, тысячи таких прыжков. Не она первая, не она последняя.

Но всем, кто «до» и «после», возможно, вводный инструктаж и помог справиться с чувством животного страха высоты и падения. Только не Стефании. Она вопила, как оголте-

лая, бессмысленно хватаясь руками и ногами за мощный поток воздуха, который беспощадно бил её, не давая инстинктивно сгруппироваться в самую безопасную позу. Проникал во всё, что можно и нельзя – нос, рот, забивался под щёки, губы, язык. И не было никаких сомнений, что это последние секунды её жизни. Ведь всё происходит так, как написано в книжках: в сознании пролетают кадры её жизненного пути. Такого короткого, нелепо обрывающегося...

Вот детский дом, насмешки ребят по поводу роста, хороших успехов в школе.

Вот её приставания к Изольде Тихоновне. Вот прочерки напротив отца и матери. Бесконечные их поиски среди прохожих... На третьей секунде падения она даже успела заглянуть в их лица и спросить: «Может, ты мой папа?», «Ты моя мама?».

На пятой – годы учёбы в финансовом техникуме. Обучение на бухгалтера. «Бухгалтер всем всегда нужен. Без куса хлеба не останешься», – наставляли воспитатели. «Не могли, что ли, разглядеть во мне будущую баскетболистку и определить в какую надо секцию?»

А вот она уже молодой специалист маленькой организации, с маленьким окладом. Зато стабильным.

Все душевные раны, терзания, огорчения по поводу неразделённой любви, а также связанные с этим образы мальчиков, юношей, мужчин пронесли на восьмой секунде. В этой же куче – поездка в двенадцатом вагоне пасса-

жирского поезда. Санкт-Петербург, Невский проспект и всего день на эту красоту. «Жаль, свидеться уж больше не придётся...»

Но тут уже пролетали шарики-фонарики, крики: «С днём рож-де-нья! С днём рож-де-нья! Ура!». Большой красочный конверт с подарочным сертификатом на прыжок с парашютом в тандеме с инструктором. Ни капли страха. «Девушка я боевая, смелая, что мне бояться? Тем более не одна».

На десятой – немыслимые сочетания непереводаемого русского фольклора, которыми она «благодарила» тех, кому пришла в голову эта убийственная идея. Более страшной смерти Стефания себе придумать не могла.

Жизнь в нескольких секундах... Хотя, нет. Каких-то важных кадров, моментов ещё не было. Да разве это имеет значение? Вот-вот весь этот ужас закончится. Исчезнет страх. Тело обретёт безмятежность, лёгкость, невесомость. Будет длинная труба, ведущая к Свету. Всё так, как написано в книжках...

Вдруг резкий толчок. Вновь, как гелиевый шарик, Стефания подпрыгивает. Только не от того, что снизу держит нитка, а от того, что кто-то тебя схватил сверху. Причём этот «кто-то» не прервал падения, а просто замедлил скорость. И ты уже летишь не брошенным в бездну камнем, а птицей... или осенним листом. Уже не так страшно и можно открыть глаза.

Этот «кто-то» оказался парашютом.

«Парашют... Инструктор... Я чувствую его за спиной. Он отвечает за мою жизнь и безопасность. Мы в одной связке, в тандеме. Как я могла про это забыть? Значит, я не умру сейчас? У меня есть шанс приземлиться живой!»

Земля... Если где-то и есть описание пространства, частью которого она была сейчас, разве оно могло передать сотую, тысячную долю реальности. Для человеческого гения вряд ли такое возможно. Но это так важно – рассказать о том, что такое «свободный полёт».

Она напишет. Обязательно напишет, если не умрёт раньше чем ноги коснутся земли.

Напишет... Ведь теперь она не на словах знает, что значит быть «между небом и землёй», быть «на седьмом небе». А ещё это – «ни жива, ни мертва», когда ушёл страх, а тело безмятежно и невесомо. Когда она – будто часть неба: дождевка, луч солнца, падающая звезда, сорвавшаяся с орбиты. Или минерал, летящий с планеты соседней вселенной.

Она и часть Земли, вот-вот впитает эту дождевку, лучик и примет в своё лоно непрошенных гостей – звезду и минерал неопознанной породы. И ещё... что-то очень, очень важное ей надо описать. Только никак не может подобрать слово...

«Ладно, оно обязательно придёт. А пока просто буду „между небом и землёй“, на „седьмом небе“, в состоянии „ни жива, ни мертва“, – сказала себе Стефания, добавив: – Ты в безопасности – ты в тандеме».

Маленькие игрушечные предметы, словно нарисованные на карте настольной игры, с каждой секундой подрастали, становились ярче и чётче.

Скоро Земля. Стефания вовремя вспомнила про «мягкие ноги», которые тут же коснулись тверди. Она упала в луговые травы и цветы, обнимая словно глобус, шар Земли.

«Жива... Жива! Как чудесны эти ароматы...»

Какое-то необыкновенное жужжание пчелы, пристраивающейся на её носу. «Пусть себе пристраивается. Пусть укусит!» Ведь её не умудрилась укусить ни одна пчела. Зная, что их надо бояться, Стефания всегда от них ловко увёртывалась. «Пусть укусит. Познакомимся».

Но пчела тут же перестала приставать и ужужжала к другому цветку, словно обидевшись: «Что? Меня з-з-здесь не боятся? З-з-значит, мне нечего з-з-здесь делать».

Зато прилетела другая – плотненькая, крепенькая, с пушистыми светлыми хвостиками на макушке, с объятиями и восторгами:

– Мама! Ты так летела... У-у-х! Какая молодец прямо! Ты самая смелая мама в мире! Я бы так не смогла...

«Майечка моя...» – только и смогла вымолвить Стефания. Не было ни голоса, ни сил, чтобы повернуться к дочери.

– Что с ней? Она жива? – испуганно спросила девочка инструктора.

Он снимал с неподвижной парашютистки снаряжение – уверенно и заботливо одновременно.

– Да, конечно жива. Ей просто надо немного побыть одной. Поможешь мне разобраться со всем этим? – ответил инструктор, показывая взглядом на снежные вороха ткани. – Меня Никита зовут.

Девочка тут же утвердительно кивнула головой, охотно включилась в работу, иногда всё же поглядывая на «самую смелую в мире».

«Майечка... Моя Майечка», – шептала Стефания. А в голове вновь пронёсся фильм, который ей пару минут назад показывали в небе. Кажется, там не было какой-то очень важной части.

«Майечка, девочка моя... Вот она – самая важная часть. Как об этом мог забыть режиссёр? Надо скорей подняться, подбежать к ней, обнять!»

Но земля так притягивала её к себе, что вырваться всё ещё не было сил. Стефания решила не сопротивляться этому, не спешить. «К тому же дочура моя, похоже, подружилась с этим Николаем или, как его... с Никитой... Нет, с Иннокентием... Фу, ты! Имя инструктора со страху забыла...»

Звучащие рядом голоса пришли на помощь:

– Никита! А эту штуку до конца тянуть?

Стефания продолжала наблюдать за ощущениями и мыслями: «Поздравляю тебя, Стефания! Ты прыгнула с высоты четырёх тысяч метров и осталась жива! Конечно, это было ужасно страшно, даже с инструктором Никитой в тандеме. Никому такой экстрим не посоветую. Но знаю точно, что бу-

ду прыгать ещё. Не сегодня, конечно...».

На обратном пути Майя жужжала и щебетала, без умолку лезла с вопросами:

– Мамуль, скажи, как там, наверху? Что видела, что слышала?

– Ты лучше спроси, что ощущала... Да я там чуть не описалась от страха!

– Реально?

– Так, пчёлка Майя, не жужжи. Иначе в кювет улетим. А на сегодня, думаю, полётов достаточно.

Майя, только что выглядывавшая между передними сиденьями авто, резко откинулась назад, улеглась на всех трёх задних, как на кровати.

Стефания наблюдала за ней в зеркало очень удобного обзора. Когда Майя была ребёнком (хотя и сейчас по-иному не назовёшь), понять не могла, откуда мама о ней всё знает. «У тебя, что, глаза на затылке?» – спрашивала она, когда та строго говорила: «А давай ты косметичку мою закроешь!».

«Вот и сейчас – прямо в босоножках забралась на сиденье, – хотела было укорить дочь, да вовремя остановилась. – Промолчу. Надо, наверное, через раз или через два этих «нельзя», «не трогай», «не лезь», «ты что, как ребёнок. Думаешь, что делаешь? Иначе – что у неё за детство будет. Когда как не сейчас всё попробовать, ощутить, наораться, набеситься».

Эх, если бы знать, как с ними правильно. Книжеч, конечно, про это много пишут. Но когда прямо сейчас надо как-то среагировать – про все советы, рекомендации, учения забываешь. Я же не могу своему ребёнку сказать: «Подожди-ка, дочь! Ты тут постой пока в луже, а я в книжке моего любимого автора найду главу «Если ваш ребёнок бегает по лужам». Глупо.

Уверена, ни одна мамаша так не поступает. Поэтому в критических ситуациях (а с детьми они могут возникнуть в любой момент) самый первый советчик – я сама, мой внутренний голос. Как он скажет, так и среагирую.

Сейчас он говорит мне: «Пусть лежит себе в босоножках! Тебе что важнее – чистые чехлы или то, что твоя дочь растянулась в своё удовольствие, что ты себе до сих пор позволить не можешь, боясь не поместиться даже на самой гигантской кровати. И слава богу, что для неё эти задние сиденья – просто уютная кроватка, а не прокрустово ложе. Радуйся, что она даже не беспокоится по поводу своей полноты, которую, кстати, замечаешь только ты. Летаёт, порхает, кружит, жужжит, как полагается нормальным детям».

– Ой! Что это я в босоножках... Ха-ха-ха, – опомнился нормальный ребёнок и маме с укором: – А ты что, не видишь своим третьим глазом, что я тут чехлы замарываю... Пачкаю.

– У меня тут – трасса. Не до тебя. А что криминального не уследил мой третий глаз?

– Проехали. И без него обошлись. – Так, по-деловому,

в этом эпизоде была поставлена точка.

«Спасибо тебе, мой внутренний голос. Мы тоже с тобой в тандеме? Это мне нравится всё больше».

Майя, соскочив с «кровати», опять пристраивалась в пространстве между передними сиденьями их «ЛАДЫ Калины», которую они между собой называли «вишенкой».

– Мамуль, а мы поворот не пропустим?

«Ну вот, ещё один инструктор. Ещё один тандем. Не много ли для сегодняшнего дня? – спросила Стефания, сама себе ответив: – Не много. Самого главного нет, когда он и она... Вернее, когда Я и ОН – мой любимый. А что, если у меня сегодня день тандемов, и ОН обязательно повстречается... Там, за поворотом, там там-тарам-там-тарам... Надо повнимательнее к указателям. Где-то тут уже должен быть...»

– Пристегнись, пчела. Скоро пост.

«Дура я дура! Причём наивная дура, – ругала себя Стефания, когда их «вишенка» резко уходила вправо от трассы, как велел указатель. – Бабе уже скоро сорок, а она, как девочка, мечтает встретить принца на белом коне. Нашла о чём думать! Тебе есть о чём переживать: как воспитать, образование дать, как придумать, извернуться, чтобы не нуждалась ни в чём, как на ноги поднять и в люди вывести. Прекращай заниматься глупостями. Всему своё время. Нагулялась, навлюблялась. Угомонись!

В том то и дело, что не навлюблялась, не намиловалась,

не нацеловалась, не наобнималась...» – возражала своим мыслям Стефания.

– Мамуль, мы успеваем?

– А мы куда-то спешим?

– Я нет, а ты так гонишь...

«И правда, разогналась. Так можно и без головы остаться – вон дорога-то какая ухабистая, ямки да кочки. Не одна еду. Давай, подруга, сбрасывай скорость. Мы ведь не на встречу с моим любимым едем, а к Лизе – Майкиной подруге, однокласснице».

На днях позвонила мама Лизы, пригласила к себе на дачу:

– Приезжайте в субботу. И девчонки поиграют, и вы от города отдохнёте.

– Спасибо, приедем, пожалуй. Мы как раз в вашей стороне будем – на парашютной базе.

– Так это недалеко совсем. В десяти километрах от неё в сторону города поворот направо. Там указатель есть – «Пенсионер».

– Что-что?

– Садово-огородный кооператив так называется – «Пенсионер».

Стефания ещё удивилась тогда странному названию. Это же надо такое придумать. Мрачное какое-то название, старостью веет, морщинами, клюкой. Сразу возникает образ её бывшей соседки по коммуналке.

«Пенсионер» оказался в четырёх с половиной километрах

от главной трассы. Решили припарковать машину у ворот. Дальше пошли пешком – до третьей улицы недалеко.

Название массива оправдывало себя. Навстречу попадались мужчины и женщины всё больше почтенного возраста. Несли тяжёлую поклажу, ведра и ведёрки только что снятых ягод земляники, вишни. Что интересно, не было в глазах этих людей ни огорчения, ни сожаления, что они по «Пенсионеру» идут. Ягодки вырастили, в город везут, детей, внуков угощать. И нет им дела до названия массива. Главное, он им радость приносит – есть куда ещё оставшиеся силы применить: цветник разбить, с земелькой-кормилицей, с растениями пообщаться. А уж благодарности их нет предела, когда ещё и урожай, выращенный собственными руками, снимут.

«Что вы там силы гробите! – порой возмущаются их дети. – Вон на рынке и картошка, и морковка. Бери – не хочу, за копейки!»

А старики всё равно каждую новую весну ждут, как новую жизнь. И копошатся на своих трёх-пяти сотках до белых мух. Не спорят с детьми. Зачем? Они и сами когда-нибудь поймут, что земля не отнимает силы, а даёт. Эту мудрость не узнать, её почувствовать надо. Придёт их время.

Стефания представила, что она идёт на огород к бабушке с дедушкой. Они уже и стол накрыли в беседке, и самовар поставили. Сейчас хлопотать начнут, не зная, чем угостить, попотчевать внуку с правнучкой, заехавших на часок из города.

– Вот молодцы, что приехали, – приветствовала Елена – молодая хозяйка дачи (так иногда называют участок загородной земли). – Вы к столу как раз! Мы чай сели пить, присоединяйтесь. После экскурсии проведём.

Здесь и так всё как на ладони. Пока к беседке шли – и горка альпийская, и прудик крошечный с лягушками и лилиями (имитация, конечно, но очень трогательно), банька, лужайка, пара грядок. И вершина творчества хозяина – домик с мансардой. Прямо сказочный, с картинки.

– Красиво у вас...

– От родителей осталось. В прошлом году их не стало, друг за другом ушли зимой. Так весны ждали... Конечно, мы здесь уже руку приложили. Особенно папа, – Елена тепло, с гордостью кивнула на мужа, – он у нас на все руки мастер. Знакомьтесь, Кирилл.

– Соловья баснями не кормят. Ты чайку лучше гостям налей с дороги, – перевёл с себя внимание смущённый комплиментами муж.

– Да у вас тут не чай, а пир горой, – взволнованная событиями этого дня воскликнула Стефания, широким жестом показывая на скатерть-самобранку.

И потекла милая беседа о лете, о колорадских-гадских жуках, которые в этом году на всем массиве куда-то исчезли. О баньке, которую, если гости надумают, можно и затопить. Девчонки, не допив чай, убежали в дом, поднялись на мансарду. Секретничают.

Стефания от баньки отказалась:

– Как-нибудь в другой раз. Спасибо за гостеприимство.

Нам пора. Майя!

– А пусть Майя остаётся у нас. Нам завтра всё равно в город возвращаться. Привезём в целости и сохранности, правда, Кирюша? – предложила Елена.

Кирилл только и успел утвердительно кивнуть головой, за него ответили внезапно появившиеся девчонки с криками:

– Да! Да! Можно!

– Мамуль, можно, а?

У Стефании не было сил сопротивляться. Не находились причины и для отказа. Пусть дочка в полной семье побудет, где папа, мама и дети.

На том и расстались.

Стефания долго стояла под холодным душем. Никак не могла поймать тёплую струю – уже месяц как смеситель не слушался.

«Нет в доме мужской руки. Ладно, пусть будет холодный. Холодный душ – в самый раз для сегодняшних впечатлений. Как будто не день прошёл, а год. Не год – целая жизнь...»

– О! Тёпленькая пошла. Мы перестали впускать в свою жизнь новое, – процитировала Ипполита из «Иронии судьбы». – Потрите мне спинку, пожалуйста. Ну, что вам жалко, что ли? – попросила своё отражение в зеркале.

Милые, добрые старые фильмы. «Экипаж». Что там в небе творилось.

И в её небе сегодня такое творилось...

«Обязательно надо написать! Пусть я буду две тысячи пятой, кто на это решится. И мой две тысячи пятый рассказ не будет похож ни на один другой. Одинаково прожить свободное падение невозможно».

Наскоро замотав длинные волосы в чалму, накинув халат, Стефания выбежала из ванной, не прикрыв дверь. Принялась открывать дверцы шкафов, попадавшие ей по ходу движения. Доставала, перерывала, пересматривала бумаги, книги, диски, фотоальбомы, детские рисунки, всякую всячину. Что-то из этого укладывалось обратно, но больше оставалось на полу и образовывало хаотичные груды.

– Где же она? Может, в тёмной?

Она вытащила оттуда на свет старую коробку из-под пылесоса – единственную вещь, не тронутую после переезда из коммуналки. До сих пор Стефания не может поверить в это чудо. Их богом забытый дом попал в программу «Ветхое жильё», и вот они с дочкой – в отдельной однокомнатной, «просто райской» квартире.

Коробку оказалось не так-то просто открыть. Она была наглухо замотана скотчем. «Это кто ж так постарался?» – Стефания вспомнила про соседа-художника, который последнее время всё лез с вопросами:

– Может, помочь чем? Смотри, Стефания, разъедемся

скоро, не увидимся.

– Плохо разве? В хоромах поживём. Вы себе возвышенную мастерскую соорудите.

«Подкатывал, что ли, ко мне?» – размышляла Стефания, пока ножницы разрезали ленту, спёкшуюся за годы. Наконец, открыла крышку.

Прямо на Стефанию летела пара сказочных птиц. Та самая – с обложки. Она взяла тетрадь, провела ладонью по гладкой поверхности. Одним движением пролистнула сразу все странички. Долго-долго смотрела на обложку. «Давно же я тебя не открывала».

Вернулась в комнату, уютно устроилась на полу среди вываленных с полок вещей, держа в руках тетрадь, за которую когда-то готова была заплатить любую цену.

«Что в ней такого особенного? Дело ведь не только в птицах – символе любви, гармонии, счастья...»

Тетрадь – единственное, кому она могла доверить самое сокровенное. Понятно, что кругом люди. Но у них свои заботы, проблемы. А есть такое, о чём даже себе признаться страшно.

«А бывает, что от счастья просто разрывает. Бегать и эмоции расплёскивать? А вдруг сглазят. Люди разные бывают. Но не о них сейчас...»

Сегодня я такое испытала в небе! Написать об этом надо, пока ощущения свежие. Где тут у нас чистые странички?»

Стефания открыла обложку. Пальцы уже были готовы

к перелистыванию страниц, как в голову полезли какие-то странные строчки: «Сначала это ты прочтешь, потом и чистый лист найдёшь». «Не ходила б ты туда, ждёт здесь боль, тоска, беда».

Что за шутки? «Я, конечно, люблю буриме, но не настолько, чтобы из-за них откладывать важное дело. Приступаю к описанию сегодняшнего полёта немедленно!»

«Сначала это ты прочтёшь, потом и чистый лист найдёшь», – настойчиво повторяла первая мысль. Стефания согласилась: «Ладно, раз без этого нельзя – прочту». Тут же услышала в ответ: «Не ходила б ты туда, ждёт здесь боль, тоска, беда».

– Вы бы мысли, подружки мои, договорились, а то сами себе противоречите, – заявила уже вслух Стефания.

«Не ходила б ты туда, ждёт здесь боль, тоска, беда» – всё повторяла вторая. «Поняла. Я только на одну страничку, можно?» – пошла на компромисс та.

Тут же шлагбаум открылся и загорелся «зелёный». «Если что, я предупреждала», – сняла с себя ответственность сдавшаяся вторая.

Договорившись со всеми, Стефания отправилась в прошлое...

«13 июля 2009 года

Еду туда, не знаю куда. Встречу то, не знаю что...

16 июля 2009 года

Убила бы их всех – моих соседей! За что мне такое наказание? Меня ведь только три дня дома не было. Приезжаю, а тут такое...

Дверь в комнату взломана. Они меня, видите ли, спасали – стучали, не открываю. «Вдруг что с тобой», – говорят.

А дальше... В комнату захожу, а там голая девица на моём диване растянулась. Рядом – художник с этюдником, типа с натуры изображает. Начала на них возмущаться, так девица даже не шелохнулась.

А художник мне:

– Подожди, последние штрихи остались.

– Какого черта здесь? У тебя своя мастерская напротив.

– У тебя, – говорит, – интерьер возвышенный.

Дала я им одну минуту, на кухню пока вышла. А там ещё хлеще... Фотография моя в чёрной рамке, а рядом иконка.

Это что, старушка наша, божий одуванчик, пошутила так? Меня при жизни хоронить?

Они что, с ума все походили?»

Да, обида тогда была нешуточная. Разводы на странице округлые, еле заметные. Плакала.

Сейчас это откровение вызывает у Стефании улыбку, и нет желания убивать этих людей. Вскрыли дверь – проявили бдительность, заботу. Как могли.

Художник назвал возвышенным интерьер её комнаты? Так это для неё как для женщины комплимент.

А божий одуванчик и не собиралась Стефанию хоронить, просто молилась, чтобы с ней всё хорошо было.

Полезно всё-таки иногда возвращаться туда, где раньше боль причиняло. Раз здесь уже не болит, значит, излечено. Не с помощью таблеток, лекарств, а всего лишь осознанием. Иногда для этого должно пройти время.

Пальцы шумно листали страницу за страницей. Похоже, мысли этому уже не сопротивлялись: «Раз не страшно, не больно – иди дальше!».

Где-то глухо раздалась песня: «Мама – первое слово, главное слово в нашей судьбе...».

«Доча звонит!» Кое-как в разбросанных вещах Стефания разыскала телефон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.